МОРСКОЙ СПЕЦНАЗ
СЕРГЕЙ ЗВЕРЕВ
БОЦМАН
ЖИВОЙ ПОЗАВИДУЕТ МЕРТВОМУ

Морской спецназ

Сергей Зверев

Живой позавидует мертвому

«Эксмо»
2011

Зверев С. И.

Живой позавидует мертвому / С. И. Зверев — «Эксмо», 2011 — (Морской спецназ)

Жесточайшую школу выживания прошел в секретном учебном комплексе старлей Саблин по прозвищу Боцман. Теперь он – капитан-лейтенант и зачислен в бригаду спецназа Балтфлота. Первое боевое задание: группа Саблина летит в Египет, где на границе с Суданом было захвачено интернациональное госпитальное судно «Асклепий». Радикальная группировка исламистов требует обмена заложников, в том числе и россиян, на одного из своих лидеров. Пленники содержатся под неусыпной охраной на удаленном острове, и освободить их смогут лишь те, кто может все и готов ко всему, – такие, как Саблин и его спецы...

© Зверев С. И., 2011
© Эксмо, 2011

Содержание

Пролог 5
Глава 1 11
Глава 2 18
Глава 3 23
Глава 4 29
Конец ознакомительного фрагмента. 32

Сергей Зверев
Боцман. Живой позавидует мертвому

Пролог

– Пока вы все еще не морские офицеры, а сосунки, – пожилой контр-адмирал с обветренным лицом неторопливо прохаживался вдоль строя. – Но я даю вам шанс...

Свинцовые тучи ползли над пирсом. Чайки с пронзительными криками вскидывались у самой воды. Ветер рвал шинели моряков. Адмирал, то и дело всматриваясь в лица молодых офицеров, вколачивал в них тезисы, словно гвозди в доску:

– Забудьте все, чему вас учили в военно-морских институтах. Забудьте о том, что вам рассказывали на курсах переподготовки. В нашем Центре вас научат таким вещам, о существовании которых вы даже и не догадываетесь...

Адмирал замедлил движение, остановился напротив высокого брюнета с массивной квадратной челюстью и пронзительным взглядом стальных глаз.

– Представьтесь!

– Старший лейтенант Виталий Саблин, Тихоокеанский флот! – отчеканил тот.

– Выйти из строя! – приказал высокий начальник. Старший лейтенант сделал два шага и повернулся лицом к строю.

– Постараемся сделать из тебя человека и офицера... Так-то, Боцман.

Адмирал критически осмотрел старлея. По взгляду Виталия Саблина было заметно, что он несколько обескуражен тем, что командир назвал его старую кличку, под которой старлей был известен еще в нахимовском училище. Несомненно: подбирая курсантов для учебного центра ВМФ, командование тщательно проработало личные дела кандидатов.

– Стать в строй, старший лейтенант Саблин! – скомандовал адмирал и продолжил движение вдоль шеренги. – Вас тут сто четыре человека. Сто четыре сопливых салаги, собранных со всех флотов и флотилий, и мы будем учить вас уму-разуму целых шесть месяцев. В процессе учебы большая часть будет безжалостно отсеяна. Кто-то не сдаст нормативов и отправится по прежнему месту службы, кто-то наверняка не выдержит испытаний и сам напишет рапорт. К окончанию курсов вас останется всего лишь десять. Подчеркиваю: лишь десять! Но эти десять человек станут настоящей элитой нашего флота. Это будут сверхлюди, которые будут уметь делать абсолютно все и под водой, и на поверхности, и на берегу. Возможно, лет через двадцать, кто-то из этой десятки станет адмиралом и наденет такую же форму, как у меня. А многим придется всю жизнь проносить «гражданку», даже став адмиралами... Вопросы есть? Нет? Вольно, разойдись!

* * *

Слово «боцман» всегда вызывает богатый ассоциативный ряд: суровый мореман с серебряной дудкой на цепочке, «свистать всех наверх!», страх и трепет команды... Старлей Виталий Саблин, хотя и имел в своей богатой военно-морской родословной несколько боцманов, никак не соответствовал типажу заматеревшего палубного диктатора. Кличку «Боцман» он получил еще в юности, будучи нахимовцем: вместе с друзьями проходил плавпрактику на барке, где сразу обратил на себя внимание любовью к порядку и требовательностью к его поддержанию.

В Центр переподготовки офицеров, что в Калининградской области, Саблин попал, как он сперва посчитал, совершенно случайно: неожиданно вызвали в штаб Тихоокеанского флота, рассказали о разнарядке из Москвы, объявили его самым достойным, предложили долговре-

менную командировку на Балтийский флот. Саблин, недолго думая, согласился: молод, здоров, полон сил, не женат... Почему бы не сменить опостылевшую Совгавань на более культурную обстановку?

Совсекретный учебный комплекс Балтфлота, расположенный еще в старых немецких казармах времен гросс-адмирала Дёница, охранялся похлеще объектов атомного подплава: трехметровый забор с геометрически четкими рядами колючей проволоки, сторожевые вышки по периметру, хитроумная система внешней сигнализации и видеонаблюдения... Центр подготовки – длинное двухэтажное здание из бордового кирпича, укрывалось под гигантской маскировочной сеткой, что делало его невидимым для космической разведки. Такими же сетками маскировались и казармы, и техника. В каких-то двух кабельтовых от берега серело небольшое военно-транспортное судно – несомненно, учебное.

Спустя несколько дней Виталий понял, что кандидатуры абсолютно всех курсантов подбирались очень тщательно: случайных людей тут не могло быть по определению. Биографии, родственные связи, увлечения, состояние здоровья, психологические портреты – все это было тщательно проверено в главном кадровом управлении ВМФ. И о Боцмане, и о его новых товарищах командование знало абсолютно все – включая имена друзей детства, места рождения родителей и даже некоторые гастрономические пристрастия. То, что руководству Центра было известно об увлечении Боцмана шахматами, его не удивило. Но вот откуда им была известна фамилия его первого тренера и даже любимые шахматные дебюты?

Занятия начались на следующий же по прибытии в учебный комплекс день. В восемь утра – десятикилометровый кросс в полной боевой выкладке. Затем – короткий отдых и теоретический спецкурс. Занятия проходили в одной и той же аудитории, причем спецкурс читали преподаватели, появлявшиеся на занятиях в парике и темных очках. Особое внимание уделялось иностранным языкам: кроме английского, который по окончании курсов требовалось знать в совершенстве, курсанты изучали еще один язык, на выбор: испанский, немецкий, французский, арабский или китайский. После обеда начинались практические занятия: погружения с аквалангом, подводное минирование и разминирование, освобождение находящихся на судах заложников, маскировка, рукопашный бой, стрельба из всех видов подводного и сухопутного оружия, незаметная высадка на берег... К отбою и Виталий, и его коллеги ощущали себя опустошенными: сил у них оставалось лишь на то, чтобы добраться до койки и завалиться спать. Однако выспаться вдоволь не удавалось: раз в неделю курсантов поднимали по учебно-боевой тревоге.

Единственной радостью был выходной с четырехчасовой увольнительной в Балтийск, бывший Пилау. Однако даже во время прогулок по этому небольшому симпатичному городку и Саблин, и его товарищи не могли отделаться от ощущения, что за ними скрытно наблюдают. Это ощущение не покидало Боцмана даже в шахматном клубе, куда он иногда заходил, чтобы пролистать свежие журналы и посмотреть, как играют местные завсегдатаи.

Отсев начался уже спустя неделю: восемь человек, не выдержав нагрузок, написали рапорт и отправились по своим прежним местам службы. Через месяц от первоначальной группы в сто четыре человека осталось семьдесят восемь. Через два месяца – пятьдесят пять. Через три – тридцать девять... Кто-то, объективно оценив свои силы, честно признался в этом командованию; у кого-то начались проблемы со здоровьем. Одного каплея выгнали за моральное разложение, сексуальную распущенность. Четверо вылетели за незначительный запах алкоголя после увольнительной. Беспощадно изгоняли тех, у кого от перенапряжения начинались обмороки, кто горячился при принятии решений, кто был слишком заносчив с товарищами или, наоборот, слишком застенчив...

Спустя четыре месяца от группы осталось двадцать шесть человек. Занятия стали более изнурительными: теперь курсантов учили и парашютному десантированию на воду и на палубы кораблей разных типов, и навыкам подводного единоборства в аквалангах, и биологии мор-

ского мира, и курсу выживания в агрессивной природной среде, и основам компьютерной безопасности, и даже подводной геологии... Занятия по медицине проводились ежедневно, по прикладной химии – через день, по рукопашному бою – два раза в сутки. Четыре раза в неделю с молодыми офицерами занимался психолог: походку, дыхание и даже взгляд молодым морякам приходилось долго и упорно тренировать. Отдельно изучалось все, что касалось Российского флота и флотов потенциальных противников: структура, тактика, стратегия, вооружение и перспективы. Эти занятия проводились исключительно по-английски, причем зачастую преподаватель говорил на сленге Королевского флота Великобритании и ВМС США.

Саблин на удивление быстро втянулся в спецкурс. Конечно, ему было не легче остальных, но природное упорство да привычка доводить начатое дело до конца заставляли его преодолевать трудности. Он понимал: главный враг – не каждодневные кроссы, не изнурительные рукопашные спарринги и не тяжелейший теоретический спецкурс. Главный враг – это сомнение в собственных силах.

К выпускным экзаменам, которых предстояло выдержать аж целых пятнадцать, в учебном центре осталось одиннадцать человек. Из них следовало выбрать десять самых достойных. Но теперь, после всех мытарств и злоключений, каждый курсант в глубине души был уверен, что он-то подготовлен лучше других и потому наверняка не станет «одиннадцатым лишним».

На время экзаменов молодых офицеров поселили в глубоких подземных боксах, очень напоминающих тюремные «одиночки»: привинченная к полу мебель, отсутствие окон, никогда не гаснущая лампа под потолком, тесный закуток с умывальником и туалетом... У курсантов отобрали все личные вещи, включая часы, и они довольно быстро потеряли ощущение времени. Выход на поверхность земли исключался категорически: даже еду – и ту доставляли сюда из пищеблока. И Виталия Саблина, и остальных курсантов предупредили: даже во время экзаменационной сессии следует быть готовым к любым неожиданностям, которые могут произойти в самое неподходящее время...

* * *

Неожиданности начались за день до окончания сессии.

Старший лейтенант Виталий Саблин мирно спал. И тут прозвучала пронзительная сирена, и из скрытого в стене динамика послышался резкий металлический голос:

– Всем срочно покинуть боксы! Ситуация номер шесть! Повторяю...

Не дожидаясь повторной команды, Виталий вскочил с постели, быстро оделся и рванулся к стальным дверям, напоминающим своей массивностью шлюзовые створки ракетной шахты. Подергав ручку, он определил, что дверь наглухо заблокирована снаружи. Боцман навалился на металл плечом: с тем же успехом можно пытаться сдвинуть с места противолодочный крейсер.

Со злости старлей несколько раз ударил кулаком по двери, однако никакой реакции снаружи не последовало. Голос из встроенного в стену динамика по-прежнему нагнетал атмосферу, выдавая команду «всем срочно покинуть боксы!..» Истошная сирена стегала по ушам, словно кнут. Спустя минуту из динамиков послышалось омерзительное трансформаторное гудение, которое давило на психику похлеще любых команд.

Неожиданно ноги Саблина ощутили холодную влагу. Каморка медленно, но неотвратимо наполнялась водой. Виталий попытался быстро установить аварийный источник течи, однако, злополучного отверстия так и не обнаружил: казалось, что жидкость просачивается сквозь поры бетонных стен.

Пока Боцман обследовал стены бокса, вода начала прибывать с большой силой. Спустя минут пять ее уровень уже достигал колен. В какой-то момент старлей ощутил ледянящий душу страх, начисто парализующий волю. Однако он сумел подавить панику.

Саблин вспомнил: в туалетной каморке под рукомойником стоит большое жестяное ведро. Это был призрачный, но все-таки шанс спастись. Виталий добрался до каморки как раз в тот момент, когда уровень воды уже достигал его груди. Набрав полную грудь воздуха, Саблин нырнул за посудиной и, сжав ее в руках, перевернул вверх дном, вознеся над своей головой. Стараясь не делать резких движений, осмотрел стены бетонного куба... В потолке, как раз над его кроватью, прорисовывалась массивная решетка вентиляционного люка. Квадратное отверстие было достаточно большим, чтобы сквозь него мог пролезть человек. Однако отверстие это преграждала решетка, крепившаяся на двух массивных шурупах, которые еще предстояло чем-нибудь отвинтить...

Воздух в перевернутом ведре был тем самым спасительным резервом, который Виталий собирался использовать, вскрывая решетку. Правда, предстояло еще придумать, чем открутить шурупы... И тут Боцман вспомнил о флотском ремне. Край металлической бляхи вполне мог стать импровизированной отверткой – ведь прорези шурупов были очень широкими.

Вода продолжала неотвратимо прибывать. Теперь она доходила до плеч курсанта. Саблин вскочил на спинку кровати, и, удерживая над головой перевернутое ведро, принялся откручивать шуруп. Первый поддался без особых усилий, а вот второй оказался словно приваренным к решетке. Недолго думая, Боцман просунул сквозь решетку пальцы и повис на ней, Решетка так и не поддалась – лишь край ее чуть заметно отошел вниз.

А вода уже плескалась на уровне подбородка. Усиленно работая ногами, Боцман продолжал расшатывать проклятую решетку правой рукой, удерживая в левой ведро со спасительным резервом воздуха. Несколько раз он случайно глотнул воды – она была соленой, морской. Вода быстро достигла потолка. Дважды или трижды Саблин подныривал под звенящее ведро, продолжая при этом сражаться с неподатливым куском металла. В голове кстати или некстати пронеслась мысль – мол, перед смертью не надышишься... С каждым новым вздохом кислорода оставалось все меньше и меньше. В пульсирующих висках бешено барабанила кипящая кровь. Наконец, Боцман понял: ведро с жалкими остатками воздуха, которое еще несколько минут назад давало ему шансы выжить, теперь не просто совершенно бесполезно, а и смертельно опасно: ведь оно стало своеобразным балластом, тянущим его под воду. Отбросив ненужную больше посудину, Виталий ухватился за решетку обеими руками и принялся ее отчаянно раскачивать...

Спустя минуту он ощутил спасительный хруст металла: решетка, прогнувшись под тяжестью его тела, поддалась. Теряя силы, Саблин отогнул металлический край, не без труда подтянулся и стал медленно протискиваться в образовавшуюся щель. Вентиляционная шахта, квадратная в сечении, уходила строго вверх – правда, непонятно, на какую высоту. Квадратные металлические скобы давали возможность продвигаться по темному жерлу.

Поднявшись метров на пять, Боцман обнаружил, что вентиляционная шахта заканчивается тупиком; голова уперлась в глухое бетонное перекрытие. Это выглядело подозрительным: ведь воздух в его подземную каморку мог проникать только с поверхности земли. К счастью, глаза старлея уже немного привыкли к темноте. Слева от него смутно прорисовывался некий прямоугольный контур. Упершись в него пяткой, Виталий на ощупь определил, что это решетчатая пластмассовая заслонка. Резкий удар ноги – и пластмасса, спружинив, провалилась куда-то вовнутрь..

Спустя минут десять Саблин – мокрый, тяжело дышавший, с расцарапанными локтями и животом, – наконец вылез на поверхность.

Он был метрах в тридцати от береговой линии. Свежий ветерок холодил мокрое тело. Безоблачная высь переливалась золотыми гроздьями созвездий. По зыбкой поверхности моря разливался, вспыхивал таинственными блестками призрачный лунный свет. Катились волны, гладкие, словно отполированные, вспыхивая мгновенным блеском. Мельком осмотревшись,

Саблин тут же зафиксировал высоченный бетонный забор с силуэтом сторожевой вышки за ним. Стало быть, он находился за территорией Центра...

Теперь предстояло быстренько сориентироваться на местности, определить, где именно находится учебное судно, и поскорей до него добраться.

И тут с вышки ударил прожектор. Слепящий электрический конус заставил старлея зажмуриться, инстинктивно прикрыв лицо ладонью.

– Стоять! – внезапно послышался над самым ухом возглас. – Руки за голову, ноги на ширину плеч, лицом к забору!

Виталий медленно обернулся. В трех шагах от него возвышался двухметровый гориллоид в черной униформе, безо всяких знаков различия. Рука его сжимала саперную лопатку с отточенным, как бритва, лезвием. И резкий окрик, и агрессивная поза не вызывали сомнений в том, что он готов применить это страшное оружие в любой момент.

Саблин замешкался... «Ситуация номер шесть», о которой еще под землей объявил подземный динамик, предполагала, что курсант должен немедленно покинуть свой бокс и во что бы то ни стало прибыть на учебное судно, пришвартованное в двух кабельтовых от берега. Притом – невзирая на любые помехи, будь это даже приказ главкома ВМФ. Старлею было даже известно максимальное время исполнения приказа – сорок пять минут. Ни о каких мужчинах с саперными лопатками в инструкции не упоминалось. Стало быть, ликвидировать это препятствие Саблин должен был самостоятельно.

Полугодичный спецкурс приучил Боцмана не дожидаться милостей от судьбы. Психика его уже отличалась тренированной стабильностью. Было очевидно: действовать следует быстро и, главное, неожиданно для гориллоида.

Медленно подняв руки, Виталий мгновенно оценил расстояние до противника и встал к нему вполоборота. Тот шагнул к Боцману, неосмотрительно опустив лопатку... Резкий взмах ноги – и удар пяткой в солнечное сплетение заставил гориллоида болезненно ойкнуть. Он раскрыл рот и выпучил глаза, а курсант точным ударом локтя в темечко окончательно вырубил противника. Подняв саперную лопатку, старлей ловко метнул ее прямо в слепящий прожектор. Послышался хруст, мощный стеклянный водопад со звоном посыпался на бетонный забор.

Виталий побежал в сторону моря. Знакомый силуэт учебного судна вырисовывался в лунном свете. Добежав до пирса, Боцман с размаху бросился в обжигающе холодную воду и поплыл от берега. Преследователей вроде бы не было, но пловец на всякий случай то и дело оборачивался назад.

Гасли звезды, занимался рассвет. Жемчужная облачная пелена светилась на горизонте. Ветер вспенивал волны, и среди них ритмично выныривала мокрая голова Виталия.

Когда до учебного судна оставалось не более пятидесяти метров, он почувствовал странный резкий запах. На воде тончайшей амальгамой блестела радужная пленка. Боцман даже не успел понять, что это бензин, когда море вокруг него вспыхнуло, и невероятный жар заставил пловца инстинктивно нырнуть поглубже...

Саблин и сам не помнил, как доплыл эти последние метры до учебного судна. Воздуха в легких постоянно не хватало, и Виталий несколько раз выныривал прямо посередине пылающей поверхности. Судорожно набирая в легкие кислород, словно вытащенная на берег рыба, и вновь погружался в море...

Когда вконец вымотанный старлей поднялся по штормтрапу на борт учебного судна, разлитый бензин позади него догорал. Радужные пятна на воде коптили и дробились на рваные островки. А по палубе к нему уже шел контр-адмирал – начальник учебного центра Балтфлота.

– Курсант Саблин, норматив засчитан, четыре часа на отдых в вашей каюте, – молвил он и, мельком взглянув на часы, добавил: – Через четыре часа тридцать минут – общее построение у носового орудия. Форма одежды – обыкновенная...

* * *

– На флаг и гюйс – смир-рна! Флаг и гюйс – по-однять!

В сизое балтийское небо медленно вполз и будто вклеился триколор, а за ним – белоснежный стяг с косым Андреевским крестом. Офицеры синхронно бросили руки от козырьков, но команды «вольно!» не последовало.

– Товарищи морские офицеры! – Контр-адмирал неторопливо вышагивал по тиковой палубе, внимательно осматривая маленький строй в одиннадцать человек. – Теперь я ответственно заявляю, что вы наконец стали настоящими моряками. Все вы более или менее успешно прошли спецкурс и выдержали экзамены. Все вы представлены к внеочередному присвоению следующего воинского звания. Соответствующий приказ уже подписан командованием...

Достав из внутреннего кармана лист бумаги, начальник учебного центра принялся зачитывать фамилии офицеров. Фамилии «Саблин» среди них, однако, не было. Что, впрочем, не удивляло: ведь Боцман сдал некоторые теоретические дисциплины хуже других. К тому же, у него был очень серьезный «залет» – после увольнительной засекли незначительный запах пива.

Старлей сразу же затосковал. Получалось, что все мытарства и лишения были напрасными. Не сегодня завтра придется собирать чемодан и отправляться в свою опостылевшую Совгавань, гнить на старом железе...

Закончив чтение, адмирал выразительно взглянул на Боцмана.

– Старший лейтенант Саблин! Выйти из строя!

– Есть! – отчеканил тот, сделав два шага.

– По существующему регламенту, из всего количества зачисленных курсантов мы оставляем лишь десятерых, – пояснил он. – Но впервые за все время существования нашего Центра для вас сделано исключение. Ваши не слишком блестящие знания некоторых теоретических дисциплин и даже нарушение Устава с лихвой перекрываются успехами в дисциплинах практических. По которым, кстати, у вас наилучшие показатели. К тому же сегодня вы первым добрались до учебного судна, перевыполнив расчетное время сдачи на целых восемнадцать минут. Такое прежде не удавалось никому, это – первый и пока единственный случай в нашей практике... – Адмирал сделал выразительную паузу, и его голос зазвенел будто металл: – Старший лейтенант Саблин! Вы прикомандированы в Первую морскую бригаду Спецназа Балтфлота! Вам присвоено воинское звание капитан-лейтенант...

Боцман аж от неожиданности потерял дар речи – подобного поворота событий он явно не ожидал.

– Ат-твета не слышу! – рявкнул адмирал.

Выдержав отмеренные две с половиной секунды вдоха, капитан-лейтенант Виталий Саблин молодцевато выпрямился и по-уставному отчеканил:

– Служу Отечеству!

– Вольно, каплей! – неожиданно улыбнулся начальник учебного Центра. – Все твои действия и в подземном боксе, и на берегу, мы наблюдали на мониторе, в режиме он-лайн. Там целых три скрытых камеры, ты их все равно не заметил. Действовал ты в основном правильно, почти без паники и без лишних движений. Но ты мне вот что скажи: зачем ведро с остатками воздуха выбросил, когда вентиляционную решетку ломал? Ведь оно еще могло тебе пригодиттся!

– В шахматах есть такое понятие: выигрыш темпа при потере качества, – серьезно пояснил Боцман. – Вот я и решил пожертвовать ведром с остатками воздуха, чтобы получить погоны капитан-лейтенанта.

Глава 1

Если среднестатистический медик циничен в силу своего ремесла, то эпидемиолог – еще и в силу профессиональной специфики. Что, впрочем, неудивительно. Большую часть времени эти специалисты проводят, уединившись в лаборатории среди колб, реторт и пробирок, приникнув глазами к микроскопам. Ощущение реальности и даже масштабов исчезает полностью: спустя какое-то время профессиональный эпидемиолог почти не делает разницы между микроскопическими бациллами и окружающим миром...

Именно такие мысли бродили в голове молодого эпидемиолога Егора Кобзева, когда сам он бесцельно бродил по палубе госпитального судна «Асклепий», пришвартованного у пристани Халаиба. Сам Халаиб – маленький грязноватый поселок, расположенный на границе Египта и Судана, напоминал Кобзеву небольшую колонию микробов: жалкие одноэтажные домики, хаотично разбросанные над красно-желтым каменистым обрывом. Пустынный ландшафт разнообразили разве что кочевые бедуины, которым врачи госпитального судна под флагом Красного Креста и Красного Полумесяца были призваны оказывать медицинскую помощь. Однако местные жители обращались за помощью нечасто; то ли действительно мало болели, то ли не доверяли международной врачебной миссии. Наверное, Егор Кобзев немало бы отдал, чтобы отыскать у детей пустыни какой-нибудь неизвестный науке вирус, однако работы по специальности у него почти не было. Банальное сотрясение мозга считалось серьезным событием, кишечная палочка – из рук вон выходящим делом.

По слухам, в ближайшее время госпитальное судно должно было спуститься к югу, к Эритрее, где врачебной работы было бы больше. А пока приходилось изнывать от жары и бездействия.

Жизнь на «Асклепии» текла скучно, неторопливо и очень однообразно. Дни практически не отличались друг от друга, словно диареегенные бактерии под микроскопом.

Молодой доктор уже знал абсолютно все и про экипаж (восемнадцать египтян, пять индусов, двое ливанцев и немолодой капитан-шотландец Гордон Синклер), и про международный медицинский персонал (терапевт Алексей Волошин из Екатеринбурга, хирург Збигнев Тыминьски из Гданьска, несколько санитаров и медсестер из арабов). Кобзев уже сто раз успел и поругаться с моряками и коллегами, и помириться с ними, и вновь поругаться... Чаще всего он ругался с соотечественником Волошиным, что неудивительно: терапевт был немолод, мудр и рассудителен, а недавний интерн Кобзев – горяч, порывист и нередко подчеркнуто циничен...

Ослепительно-желтое солнце уверенно поднималось в зенит, окрашивая госпитальное судно в пастельные тона. Береговая кромка будто плавилась в расплывчатом парном мареве. Кормовой флаг вяло трепыхался за бортом. Стоя на палубе, Кобзев лениво смотрел, как в тени, в горячем от нагретого металла воздухе дуреет индус-вахтенный, и размышлял, чем заняться. Конечно, можно было бы сходить на берег, однако делать там было решительно нечего: и бедуины, и верблюды, и выжженная солнцем пустыня давно уже опостылели. Можно было попробовать заняться рыбалкой, но в такую жару ни о какой поклевке не могло быть и речи. Можно было бы улечься с книжкой в своей каюте, под спасительный холодок кондиционера, однако деятельная натура Кобзева требовала хоть какого-то общения. Так что оставалось одно: спуститься к Волошину и, в очередной раз попросив прощения за вчерашнюю хамскую выходку, потрепаться с ним «за жизнь».

Алексей Николаевич – седой, подтянутый, с неизменным стетоскопом на груди – смотрел в своей каюте телевизор, благо спутниковая «тарелка» давала возможность принимать даже новости из России. При появлении Егора он тут же заулыбался – мол, понимаю, зачем пришел, прощаю тебя заранее, дорогой коллега, всегда рад видеть.

– Извините, я вчера был неправ, – сконфуженно произнес молодой врач. – Погорячился. Больше такого не повторится.

– Все, извиняю. Сам таким был в твоем возрасте. Присаживайся вот тут, – Волошин гостеприимно открыл холодильник. – Хочешь окрошки? Сам готовил...

Пока хозяин каюты разливал холодную окрошку, эпидемиолог прибавил громкость телевизора.

По CNN передавали сводку новостей за минувший день. Мир бурлил. Военные перевороты, революции, массовые беспорядки, теракты и прочие катаклизмы сменяли друг друга, словно картинки в калейдоскопе.

– Кстати, Егор, возможно, тебе будет интересно, – Алексей Николаевич поставил на стол тарелку с окрошкой. – В Исламабаде какие-то сумасшедшие разгромили лабораторию прикладной микробиологии тамошнего Министерства обороны. Я-то сам не эпидемиолог, специалист другого профиля, но мне кажется, что...

– Имеете в виду штаммы разной заразы? – Кобзев взял ложку, придвинул тарелку. – Тут могут быть и так называемые «мертвые» штаммы, то есть практически обезвреженные. А могут быть и живые. По сути – настоящее биологическое оружие, только в очень малом количестве. Если первый вариант – ничего страшного, это своего рода засушенные микробы, неспособные вызвать эпидемию. Если второй – очень хреново. Нескольких пробирок достаточно, чтобы в короткие сроки отправить на тот свет город с населением в несколько миллионов человек. А если лаборатория военная – значит, штаммы, скорее всего, живые. Остается надеяться, что эти пакистанские исламисты не знают, как правильно хранить штаммы ,и вообще, что делать с ними дальше. Да и необходимого оборудования у них наверняка нет. Там ведь и специальный температурный режим нужен, и особые условия, и постоянный контроль, и регулярные лабораторные пробы. Иначе штаммы быстро погибнут и,кроме рвоты и поноса,ничего не вызовут.

– Как говорится – приятного аппетита, – поморщился Алексей Николаевич, красноречиво указав на окрошку. – За завтраком лучше о чем-нибудь приятном говорить... Вот у нас на Урале сейчас холода. В деревнях – сугробы почти по пояс. Народ в гости друг к другу ходит, пельмени трескают под водочку.

– Даже не верится, что где-то может быть ниже нуля, – молодой доктор взглянул в иллюминатор, где в зыбком горячем мареве расплывался пустынный берег. – У нас в Питере, конечно, таких сугробов нет, но как ветер с залива задует – так просто насквозь пронизывает, чуть ли не по стене размазывает. Эта сторона улицы очень опасна, а та – так вообще кранты! Я бы сейчас, наверное, все отдал, чтобы этот ветер полной грудью вдохнуть...

– А твои, наверное, тебе завидуют, – поддержал Волошин. – Мол, Египет, пирамиды, экзотика... Сколько людей специально деньги платит, чтобы сюда попасть. А мы с тобой в Египте сидим, да еще за это международную зарплату получаем!

– Да ну ее, эту экзотику! – раздраженно произнес Кобзев. – Нахлебался уже. Четыре месяца ничего, кроме этой пустыни,не вижу. Кстати, что там,в Каире?

Беспорядки в египетской столице не утихали уже пятые сутки. Демонстранты со свойственным южанам темпераментом требовали отставки действующего президента, притом в уличных протестах деятельно участвовали и многочисленные мусульманские фанатики. Чем это могло обернуться для интернациональной команды «Асклепия» – не знал никто. Хотя судно под флагом Красного Креста и Красного а и находилось на самом краю Египта, однако ситуация развивалась совершенно непредсказуемо, вооруженные беспорядки могли перекинуться даже на сонный Халиб.

– В Каире все по-прежнему. Сражаются с переменным успехом. Или народ местного Али Бабу скинет, или этот Али Баба всех пересажает… – Волошин подумал, достал из холодильника початую бутыль белого сухого вина, разлил по пластиковым стаканам. – Ты же сам все

видишь. Египет – страна потенциально очень богатая: нефть, газ, сланцы, многомиллиардная туристическая индустрия... Суэцкий канал, наконец! А народ все нищает и нищает.

– Точно, как и у нас, в России, – подытожил Кобзев и, пощелкав телевизионным пультом, остановился на местном канале.

Экран дал панорамную картинку: кричащие демонстранты с национальными флагами, колонны тяжелой бронетехники, перевернутые машины, горящие здания... Панорама сменилась крупным планом: мужчины с зеленым знаменем с начертанными на нем строками из Корана. Бородатый выкрикивал что-то очень агрессивное, и эпидемиолог, который уже немного знал арабский, разобрал слова «смерть неверным», «ислам – закон государства!» и «джихад».

– Надеюсь, до нас эти психи не доберутся, – предположил Егор не очень уверенно.

– Конечно, в мегаполисах и на курортах у них намного большее поле деятельности. А там, между прочим, наши земляки, – напомнил хозяин каюты. – Сегодня передавали: только в курортных зонах около тридцати тысяч граждан Российской Федерации. А ведь есть еще и специалисты: нефтяники, строители, гидротехники, железнодорожники, энергетики, все эти сотрудники туристических фирм... И аэропорты, как сегодня передали, тоже блокируются, да и авиационный керосин почти на исходе. Да и столько самолетов не найти, чтобы всех даже за несколько недель эвакуировать!

– Ну, надо этих наших людей в Каир запустить! – непонятно почему развеселился эпидемиолог и тут же принялся развивать тему: – Представьте ситуацию – все аниматоры, официанты, бармены, инструкторы по дайвингу и прочая обслуга из Хургады и Шарм-эль-Шейха свалили, а наши «руссо туристо» организованно отправились в столицу. С флагами на сгоревших плечах, в сандалях поверх носков, с пивом, торчащим из карманов шортов и с криками «Египет для русских!» разгоняют на хрен и демонстрантов, и полицию с армией. А их жены с воплями «Пошли все нах, у нас экскурсия, деньги проплачены!» рвутся в горящий Исторический музей, с мумиями пофоткаться...

– Смеяться тут абсолютно не над чем, – дождавшись, когда молодой коллега закончит есть окрошку, Волошин протянул ему пластиковый стакан с сухим вином. – Тут мусульманский Восток, люди непредсказуемые, в любой момент может случиться всякое. Как в том же Исламабаде, где религиозные фанатики разгромили лабораторию микробиологии.

– Нас, надеюсь, это не затронет. Да и брать на «Асклепии» решительно нечего: ни смертоносных штаммов, ни денег и ценностей... Разве что ваш стетоскоп и мой микроскоп... Ну что, Алексей Николаевич, – молодой эпидемиолог поднял стакан. – За всемогущество медицины! Только вот почему-то к нам в последнее время вообще никто из местных не обращается. Даже обидно. А так хочется столкнуться с чем-нибудь серьезным! – Егор мечтательно закатил глаза. – Вирус Эбола, например, или хотя бы ветряная оспа какого-нибудь неизвестного науке типа...

– Обратятся, за этим не заржавеет, – пообещал пожилой терапевт, поднимая свой стаканчик.

* * *

Алексей Николаевич Волошин оказался прав: за помощью на госпитальное судно обратились меньше чем через сутки. Незадолго до рассвета к пирсу подъехал запыленный черный джип. Из него выскочил бородатый бедуин в бурнусе и на ломаном английском сообщил вахтенному: мол, сын местного вождя упал с верблюда, видимо, что-то сломал, третий час без сознания, срочно нужна помощь, вождь человек небедный, в долгу не останется.

Кэп «Асклепия», шотландец Гордон Синклер, сразу же распорядился доставить больного на борт. Хирург Збигнев Тыминьски с операционными медсестрами-египтянками отправился

в смотровую каюту – готовиться к приему больного. Тем временем бородатый бедуин подогнал джип к самому пирсу, выскочил, открыл заднюю дверь. В ночной тьме, едва подкрашенной светом берегового электричества, мелькнул рельефный силуэт на носилках, укрытый простынью.

Сына вождя со всей предосторожностью несли к трапу. Кроме носильщиков, сопровождавших было еще двое: бедуин-водитель и сам местный вождь – немолодой мужчина в «арафатке» и каплевидных черных очках, которые он почему-то не снял даже ночью. Вахтенный посторонился, чтобы пропустить носилки.

И тут произошло неожиданное...

Когда носилки поднимали на судно, угол простыни случайно задрался, и в неверном электрическом свете тускло сверкнула боевая сталь. Под простыней лежал вооруженный «калашниковым» взрослый мужчина безо всяких признаков тяжелых травм.

Первым на увиденное отреагировал ливанец-вахтенный – он резким ударом сбросил с трапа, державшего спереди носилки человека. Тот не удержал равновесия, выпустил груз, и мнимый больной вместе с «калашниковым» полетел в воду. Следом за ним свалились и оба носильщика. Брызги водопадом накрыли бедуинского вождя в «арафатке», следовавшего позади. Минутного замешательства на пирсе было достаточно, чтобы вахтенный успел сбросить с кнехтов швартовые и нажать кнопку – пассажирский трап, ведомый электромотором, медленно поднялся вертикально, наглухо блокируя вход на «Асклепий».

И тут с берега прогрохотала неуверенная автоматная очередь – пули с мерзким металлическим чавканьем прошили кожух дымовой трубы госпитального судна.

Капитан Синклер, наблюдавший за происходящим с мостика, мгновенно сориентировался: он тут же распорядился запустить машины и выйти в открытое море. К счастью, механики оказались расторопными. В темноте трюма тяжело вздохнули блестящие поршни. Уверено застучал двигатель, мощные винты взбурлили черную воду за кормой, и «Асклепий» принялся неторопливо отчаливать. Судно двигалось левой скулой, наискось удаляясь от негостеприимного берега.

Один из бедуинов попытался было перепрыгнуть на борт отходящего «Асклепия» прямо с пирса, но не рассчитал свои силы и свалился в воду. А госпитальное судно, отойдя на несколько десятков метров, пошло в сторону Суэца «самым полным».

Следом захлопали беспорядочные автоматные очереди, но никакого вреда «Асклепию» они причинить не могли. Спустя минут двадцать судно Красного Креста и Красного а было уже в целом кабельтове от пирса. На всякий случай кэп даже распорядился погасить все огни и отойти от береговой линии как можно дальше.

И Волошин, и Кобзев выскочили на палубу сразу, едва услышали первые выстрелы.

– Что это было? – растерянно поинтересовался эпидемиолог, вглядываясь в темный берег, точечно проколотый мерцающими электрическими огоньками.

– Исламисты, я думаю, – по размышлении ответил Алексей Николаевич. – Или просто местные бандиты. Кто их тут разберет? Разница небольшая. Надо бы у старпома спросить. А вон как раз и он...

Старпом-индус, впрочем, ситуацию не прояснил. Мол, кто стрелял – непонятно, да это теперь и неважно, кэп уже связался по рации с местными береговыми службами, те распорядились направить «Асклепий» на север, к ближайшему населенному пункту на берегу. Таковым был небольшой курортный городок Марса-Алама, до которого, если верить старпому, оставалось около пяти часов ходу. Египетские власти сильно извинялись за то, что не могут выслать катер береговой охраны – мол, сами понимаете, что теперь в стране происходит! Однако по прибытии в Марса-Аламу обещали оказать всяческое содействие, а также провести полицейское расследование случившегося.

«Асклепий» уверенно шел в северном направлении. Черные лаковые струи свивались вдоль бортов. Ровно постукивал мощный двигатель, и его рокот разносился над морской поверхностью. Вскоре занялся рассвет – внезапно и ярко, как это обычно и бывает на Красном море.

Кобзев, поеживаясь от утреннего холодка, в который раз пытался осмыслить произошедшее. Однако теперь, когда тьма египетская постепенно сменилась яркими солнечными красками, случившееся походило скорей на ночной кошмар, чем на явь. И только пулевые дыры на кожухе дымовой трубы свидетельствовали, что ночное нападение не пригрезилось.

– Ты, Егор, еще молодой, не знаешь, что тут бывает, – задумчиво молвил Алексей Николаевич. – А я врачом уже третий год. Полтора года назад тоже по нашей миссии стреляли. Мы тогда за Асуанской плотиной в пустыне стояли, в качестве передвижного пункта неотложной медицинской помощи. Думали – бандиты стреляют, вызвали армейский спецназ. Оказалось – мальчишка лет десяти, из бедуинов. Какого-то ненормального муллу наслушался, вот и решил из отцовского автомата по нам, «неверным», палить.

– Еще этих исламистов на нашу голову не хватало, – сумрачно произнес Егор, даже не глядя на Волошина. – Тем более те, на джипе, были явно не пацанами. Ну я и попа-ал! Думал, поработаю пару лет, на квартиру скоплю, жениться смогу... Да и как специалист немного вырасту. А тут – бородатые психи с автоматами!

– Надеюсь, пронесло, – пожилой доктор напряженно вглядывался в нагромождение красно-желтых скал на берегу. – Тут вдоль моря только на танке можно пройти. Любой джип сразу застрянет. Видишь, какие камни?

Спустя часа два и экипаж, и медики успокоились окончательно. Преследователей на берегу вроде бы не было. Море выглядело спокойным. Ни единого встречного или попутного судна не наблюдалось.

Солнце уже поднималось в зенит, когда в морской тишине возникло едва уловимое акустическое колебание. Колебание это быстро усилилось и оформилось в комариное зудение, которое, нарастая, вскоре распалось на тонкий слитный рокот. Вскоре позади показался белый треугольничек буруна, обозначавшего форштевень какого-то маломерного судна. Спустя минуту с кормы можно было рассмотреть и сам катер. Приподнявшись на подводных крыльях, он явно пристраивался в кильватер «Асклепию». Когда до кормы оставалось метров тридцать, катер широким зигзагом вильнул вправо и, уровняв скорость, оказался на траверзе. Теперь пассажиров катера можно было рассмотреть даже без бинокля: с десяток смуглых бородатых автоматчиков весьма агрессивного вида. На носу возвышался пулемет на высоких сошках, направленный в сторону госпитального судна.

– Те самые, наверное... – пробормотал Кобзев растерянно.

– Может, пронесет? – попытался было успокоить его Алексей Николаевич.

К российским врачам подошел хирург Збигнев – молодой плотный очкарик, похожий на рано повзрослевшего ребенка. Он поправил очки, подслеповато прищурился в сторону катера с вооруженными бородачами и уточнил растерянно:

– Неужели будут стрелять?

– Уже стреляли, – Волошин выразительно кивнул в сторону простреленной дымовой трубы.

– О, kurva! – искренне возмутился Збигнев. – Мы же гуманитарная миссия, судно не вооружено, оснащено соответствующей символикой, есть международные конвенции на этот счет!

– А им теперь любые конвенции до лампочки! – раздраженно отмахнулся Егор, напряженно наблюдая за автоматчиками. – Вон, в Каире позавчера несколько аккредитованных журналистов застрелили. Те тоже были без оружия!

– Может, сумеем от них на скорости уйти? – предположил Алексей Николаевич.

– Какое там! – Кобзев с понятным испугом всматривался с лица пассажиров катера. – Эти догонят...

И действительно, – катерок, продолжая идти параллельным курсом с «Асклепием», осторожно взял чуть влево и оказался метрах в десяти от борта. Было очевидно, что скорости у него вполне достаточно, чтобы перегнать госпитальное судно в любой момент. Среди вооруженных автоматами бедуинов появился пожилой мужчина в «арафатке» и черных очках – тот самый. В руках у него блестел дюралевый раструбный мегафон. Меньше чем через минуту с катерка донеслась команда по-английски: немедленно сбавить ход и спустить штормтрап.

Шотландец Синклер, наблюдавший за происходящим с капитанского мостика, невозмутимо взглянул на наглеца и по громкой связи напомнил о гуманитарном статусе «Асклепия». После чего дал команду в машинное отделение прибавить обороты до максимума. Видимо, он рассчитывал как можно быстрей выйти на фарватер Красного моря – в зону следования судов к Суэцкому каналу и обратно. А уж там, в районе интенсивного судоходства, пираты вряд ли решатся брать «Асклепий» на абордаж.

Тем временем радиорубка упорно слала так называемый «Mayday» – морской сигнал бедствия. Но – тщетно: все частоты были почему-то забиты радиопомехами, и это, несомненно, не могло быть случайностью или поломкой судовой техники. Оставалось лишь надеяться на везение, да еще на мощь корабельных двигателей.

Мужчина в «арафатке» вновь прокричал в мегафон требование сбавить ход. На этот раз кэп просто послал его от души по громкой связи.

И тут с носа катерка внезапно ударил пулемет...

Короткая очередь вспорола борт – как раз там, где стояли медики. Збигнев тут же схватился за живот и с удивлением посмотрел на свои руки – сквозь пальцы сочилась кровь. Он застонал, судорожно вцепился в поручень, попытался было удержать равновесие, но тут же неуклюже перевалился за борт и упал в воду.

Все произошло слишком быстро, чтобы российские врачи успели осознать и детали происходящего и его масштабы. Едва услышав стрельбу, Егор с Алексеем Николаевичем инстинктивно отшатнулись назад, а потому не могли видеть, как катерок с угрожающим урчанием стал подходить к кормовой части «Асклепия» почти вплотную.

Лёгкий дюралевый трапик с широкими скобками-захватами на конце вцепилсяь в срез борта, и по нему тут же полезли двое. Старпом-индус склонился, попытался было отцепить трап, но автоматная очередь с катера моментально размозжила ему голову. Пока абордажники лезли на палубу, снизу прогрохотали еще несколько длинных автоматных очередей. Выпущенные косо снизу пули никого задеть не могли – скорее стрелявшие давили на психику, отбивая охоту к любому сопротивлению. Снизу из-под борта послышалось угрожающее обещание по-английски: мол, в случае сопротивления нападающие просто забросают рубки и каюты гранатами.

Людей на пиратском катере оказалось куда больше, чем можно было представить. Спустя минут десять на палубах «Асклепия» хозяйничала дюжина захватчиков, обвешенных автоматами. Их смуглые бородатые лица выражали властную решимость. Действовали они на удивление уверенно – видимо, некоторые из них уже побывали на «Асклепии» под видом больных. Оказывать сопротивление этим тренированным громилам не имело смысла. К тому же на госпитальном судне действительно не было никакого оружия. Двое бандитов бросились в рулевую, трое – в радиорубку, еще трое – в машинное отделение. Капитан, матросы и все без исключения медики были бесцеремонно заперты в кают-компании. Егор с Алексеем Николаевичем попытались было объяснить, что они – иностранные врачи, но бандиты и слушать их не захотели.

У штурвала тут же встал вооруженный бородач. «Асклепий» замедлил движение, натужно развернулся и, оставляя за собой бурлящий пенный след, неторопливо пошел в

обратном направлении. Несомненно, у пиратов был свой лоцман, который прекрасно знал все особенности судовождения вдоль береговой линии. Уже к заходу солнца госпитальное судно, конвоируемое катерком, приблизилось к небольшому острову, отстоящему в нескольких кабельтовых от материка. Однако «Асклепий» не подошел к причалу – там было слишком мелко, а встал на якоре в каком-то десятке метров. Всех без исключения пленников выстроили на палубе. Исламист в «арафатке» тут же объявил: мол, египтяне сегодня же будут отправлены на катере в Халаиб, более того – за перенесенный стресс им выплатят достойную денежную компенсацию. А остальные будут препровождены на берег, и их судьба решится чуть позже.

И дерзость абордажа, и слаженность дальнейших действий наводили на мысль – к захвату судна Красного Креста и Красного Полумесяца нападавшие готовились давно и тщательно. Оставалось только догадываться: кто именно и с какой целью захватил «Асклепий» с международной командой и какие требования теперь будут выдвинуты похитителями.

Глава 2

Зимний парк на берегу озера выглядел нарядным и праздничным, словно на новогодней открытке. Снег искрился, краски блестели под солнцем, аллейки просвечивались сквозь серебряный узор ветвей. Синие лыжные колеи расчеркивали сугробы, и лыжники скользили по ним с тихим протяжным шелестом.

По приятно скрипящим снегом аллейкам прогуливались двое молодых мужчин в штатском, но с явно военной выправкой. Статный брюнет с массивной квадратной челюстью и пронзительным взглядом стальных глаз что-то терпеливо втолковывал невысокому смуглому крепышу. Тот внимательно слушал, улыбался, и по этой улыбке было понятно, что он явно не согласен с доводами собеседника.

– Все понимаю, Виталик, все правильно, но отпуск в такой глуши – не отдых, а наказание, – горячо возражал крепыш. – Ни развлечений, ни впечатлений, ни движняка... Даже вспомнить потом будет нечего. Не могли в какой-нибудь санаторий Минобороны отправиться? Нам ведь с тобой предлагали!

– Коля, я понимаю, тебе курортных забав хочется, – догадался брюнет. – Пляжный песок, солнце, девушки... Да и ты по природе человек теплолюбивый.

– А что – не заслужили? Целый год без продыха...

Конечно же, старший лейтенант Николай Зиганиди был абсолютно прав: и для него, и для Боцмана последний год был не из легких. Спецназ Балтфлота оказался на редкость востребованным, притом в тех операциях, о которых обычно не сообщают в программах теленовостей. Ежедневные тренировки, бесконечные авиаперелеты, четыре боевых акции в разных морях и океанах, личная благодарность Президента капитан-лейтенанту Виталию Саблину, легкое ранение у самого Коли... Николай Зиганиди, родившийся в Новороссийске грек, собирался провести отпуск в теплых краях. Он даже уже купил билеты, но в последний момент поддался уговорам Боцмана – мол, зимой куда лучше отдыхать в небольшом карельском городке, в уединении, покое и праздности. Размеренная жизнь без уставов и оглядки на командиров, зимняя рыбалка, банька по субботам... Ну, и несколько шахматных партий перед сном, само собой!

Зиганиди начал жалеть о данном согласии уже спустя несколько дней. Слишком уж скучно было в карельской глуши, слишком много снега и мало впечатлений. Да и греческий темперамент давал о себе знать...

– Слушай, а давай хоть к барышням сходим! – воодушевился Коля. – Я тут вчера с одной в магазине познакомился, из общежития ткацкой фабрики. Прикинь: во-от такая брюнетка, с во-от такими формами! – Зиганиди руками изобразил на своей груди объем и упругость бюста новой знакомой.

– На себе не показывай, примета плохая, – напомнил Саблин. – У этой твоей брюнетки подруги есть?

– Я же говорю – целая общага! Выбирай, кого хочешь. Виталь, ну давай, а?

– Я подумаю, – ответил Боцман.

– Да что тут думать – действовать надо, пока отпуск не закончился! Мы же молодые, неженатые ребята, а живем словно какие-то монахи. А как ты насчет общаги думать будешь, я уже знаю. Сейчас придем домой, ты опять за ноутбук, в онлайне шахматную партию разыгрывать.

– Знаешь, Коля, если честно, что-то не тянет меня к таким случайным знакомым.

– В любовь веришь?

– А почему бы и нет?

– А если ты в общаге такую любовь встретишь? – не сдавался Зиганиди. – Большую и светлую? Или, думаешь, такое исключено?

– Ладно. Я же сказал: подумаю.

Так, беседуя о вечерних перспективах, молодые офицеры дошли до выхода из парка.

Подмораживало, под подошвами сухо хрустело. Январский мороз обжигал лицо, ноздри смерзались на вдохе, на шарфах оседал пар. Улицы выглядели пустынными. Спустя минут двадцать показался небольшой бревенчатый коттедж, который они снимали. Рядом с воротами стоял приметный «УАЗ» местного военкома; офицеры отлично запомнили эту машину, когда становились в военкомате на временный учет. Вряд ли к ним приехал сам военком – он был слишком занятым человеком, да и причин для подобных встреч у него не было. А это могло значить лишь одно: машина с водителем выделена какому-то высокому заезжему начальству, и начальство это вполне могло прибыть за молодыми моряками.

– Ну, здравствуйте! – пожилой мужчина с военной выправкой вышел из машины, шагнул к морякам. – Как отдыхается?

– Здравия желаем, товарищ адмирал, – четко ответил Саблин. – Спасибо, отдыхается хорошо...

– Вольно, каплей! – – улыбнулся визитер. – Ну, в дом пригласите, или как?

Контр-адмирал Федор Ильич Нагибин был, ни много ни мало, начальником ГРУ Балтийского флота. Этот человек снискал уважение начальства и любовь подчиненных. Первые ценили его за обстоятельность и профессионализм, вторые уважали за умение отстаивать интересы флота и за демократичность в общении. Ведь адмирал мог вызвать спецназовцев телефонным звонком или телеграммой, но не погнушался приехать в карельскую глушь.

Спустя несколько минут все трое сидели в небольшой комнате. Заходящее солнце горело в наледи окон, и косые кресты теней от рам ложились на пол. Саблин принес свеженарубленных дров, распространявших аромат морозной хвои, затопил камин и, немного смущаясь, предложил гостю вместе поужинать.

– С удовольствием, – вполне по-свойски согласился адмирал. – Тем более, с утра на ногах. Маковой росинки во рту не было.

– Только у нас тут все, правда, скромно, по-холостяцки, – Зиганиди расставлял на столе тарелки и, подумав, выставил три хрустальные рюмки. – Товарищ адмирал, извините... а коньяк будете? Вы же с мороза, согреться не мешает.

– Давайте ваш коньяк... Ладно, вы наверное, догадываетесь, зачем я к вам приехал?

– Срывается наш отпуск? – серьезно уточнил Саблин.

– К сожалению, да. Дело в том, что...

Рассказ адмирала о захвате госпитального судна «Асклепий» был недолгим, но емким. Вкратце обрисовав ситуацию, он сделал упор на том, что, мол, египетские власти никак не могут помочь: в стране массовые беспорядки, армия и полиция стянуты в Каир и в Александрию, береговая охрана вообще бездействует, ожидая дальнейшего развития событий, так что придется разбираться с заложниками самим. Естественно, никто из египтян об этом знать не должен – иначе получится, что мы вмешиваемся в дела суверенного государства.

– На то, собственно, флотский спецназ и существует! – подытожил Нагибин. – Там на «Асклепии» двое российских граждан, врачи. Пока мы ничего о них не знаем: ни о здоровье, ни о психологическом состоянии.

– А кто эти похитители? – осведомился Зиганиди, стоявший у газовой плиты, на которой он разогревал ужин.

– Радикальная группировка «Всемирная лига джихада». Кстати, и в Египте, и в США, и в Евросоюзе они вне закона. Но сейчас вроде немного осмелели во время беспорядков. Если смотрите телерепортажи из Каира, наверняка их видели. Весьма колоритные типажи.

– А какие требования они выдвинули в обмен на освобождение заложников? – спросил Боцман. – Наверное, денег хотят?

– А вот тут ты, каплей, не угадал. Деньги у них и без того есть. У «Всемирной лиги джихада» годовой бюджет в десятки раз больше, чем у всего нашего Балтийского флота. Там и добровольно-принудительные пожертвования по всему исламскому миру, и торговля наркотиками, и похищения заложников, и разный другой нехороший бизнес. А требуют они только одного: немедленного освобождения из тюрьмы одного из их лидеров, Абдуллы Мохаммеда Зино... Или просто Зино.

– Из какой тюрьмы? – Зиганиди поставил на стол сковородку с накрытой крышкой, из которой исходил аромат жареного мяса, выставил салатницу, открыл маринованные грибы, выложил горку нарезанного хлеба.

– Из нашей, российской, – ответил адмирал. – Этот Зино – еще тот тип. Окончил Каирский университет – один из рассадников всей этой исламистской заразы. Был в большом почете в соответствующих кругах. Учился взрывному делу и навыкам партизанской войны в одном из пакистанских лагерей боевиков. По мнению многих, имел непосредственное отношение к нескольким терактам в Евросоюзе. К взрыву на вокзале в Мадриде, например. Был объявлен в международный розыск, залёг на дно. Год назад отправился в Дагестан, помогать своим братьям по разуму. Быстро выдвинулся, стал одним из помощников тамошнего полевого командира. У него руки по локоть в крови... Закончилось тем, что группировку бандитов загнали в горы, часть уничтожили, часть пленили. Зино был ранен, попал в плен, после суда отправился на пятнадцать лет в дом отдыха без архитектурных излишеств в Пермской области. Есть там исправительное учреждение особо строгого режима для всех этих иностранных террористов, бандитов и наркоторговцев. Вот похитители и выдвинули требования: мол, освобождаете Зино – получаете обратно «Асклепий» вместе со всем экипажем и гуманитарным персоналом... В том числе и российскими гражданами. И хотя на госпитальном судне остались и ливанцы, и индусы, и капитан-шотландец, требование о немедленном освобождении этого Зино выставлено только нам – непосредственно через российское посольство.

В камине мирно потрескивали дрова. За окном уже висела блекло-желтая северная луна, и снег причудливо искрился в ее переменчивом свете. В соседнем дворе мирно тявкала собака. И «Всемирная лига джихада», и захват госпитального судна, и прочие египетские события тут, в карельской глубинке, казались далекими и нереальными, словно пересказ кинобоевика.

– Так когда нам в Египет? – без обиняков поинтересовался Боцман.

– Ах, какой ты шустрый, – сдержанно улыбнулся адмирал. – А почему не спрашиваешь, какая легенда, как спланирована операция, сколько времени дается на все про все. Про состав группы, наконец!

– Обычно об этом нам рассказывают непосредственно перед вылетом, – напомнил Саблин. – Но, конечно, хотелось бы узнать прямо сейчас... Если можно.

– Нужно, – кивнул гость, глядя, как старлей Зиганиди разливает по рюмкам коньяк. – Давно я с младшими по званию не выпивал... Всего я вам пока сообщить не могу, но о составе группы скажу. Группа небольшая, всего три человека. Сразу предвижу вопрос: мол, почему такая малочисленная. И сразу же на него отвечаю. Во-первых, организованная группа даже в пять-шесть человек наверняка вызовет пристальное внимание местных спецслужб уже в аэропорту. Во-вторых, каждый из вас стоит десятка обычных диверсантов-аквалангистов. Ну, а в-третьих, если грамотно спланировать и скоординировать операцию, больше людей и не надо. Операция в основных чертах спланирована на самом верху, состав группы утвержден. Командиром назначен ты, каплей, – адмирал кивнул Саблину. – В твое распоряжение поступает старший лейтенант Зиганиди и... еще один боец. Золото, а не спецназовец! Не пьет, не курит, по бабам не бегает, все уставы знает наизусть, мастер спорта по морскому многоборью, прекрасно стреляет из любого оружия, гоняет на гоночных скутерах, замечательно плавает и с аквалангом, и без него. Владеет четырьмя языками, в том числе и арабским. Скромен, доброжелателен, тактичен.

Выслушав адмирала, Боцман с трудом подавил в себе глубокий вздох: получалось, что в ударной группе, которую ему предстояло возглавить в далеком Египте, у него в подчинении будет примерный идиот, живущий исключительно по Уставу.

– Неужели такие в наше время бывают? – не поверил Саблин.

– А могу прямо сейчас вас и познакомить, – гость взял мобильник, нащелкал номер. – У меня в машине сидит, ждет, пока я с вами переговорю. – Так что сейчас во всем сами и убедитесь.

В комнату вошла худенькая миловидная девушка в скромной куртке и лыжной шапке с помпоном. Круглые очки и неброская косметика делали ее неуловимо похожей на провинциальную школьную учительницу. Смущенно поздоровавшись, она сняла шапку – золотые волосы рассыпались по плечам.

– Ну что, Катя, не заскучала у меня в машине? – Адмирал внимательно рассматривал лица молодых офицеров, стараясь предугадать реакцию. – Знакомьтесь: старший лейтенант Екатерина Сабурова, прошу любить и жаловать. Ну что, мореманы, а вы думали, я вам унылую зануду приведу? Что молчите! К столу Катю приглашайте, гостья все-таки!

* * *

Уже на следующий день Саблин, Зиганиди и Сабурова вылетели из Пулковского аэропорта в Египет. Вся троица была легендирована как «группа латышских кинодокументалистов, специализирующаяся на съемках морской фауны». Естественно, офицеры летели по документам на другие имена: ведь все анкетные данные и даже фамилии спецназовцев составляют военную тайну. Адмирал Нагибин, который отвечал за будущую операцию, распорядился, чтобы пассажиры взяли с собой как можно меньше багажа: мол, одежду и обувь вам выдадут, а оружие и необходимую амуницию спецназовцы получат уже на месте. В багаже лежало только киносъемочное оборудование – но не для работы, а для подтверждения легенды.

Самолет был почти пустой – в виду последних событий никто в Египет не рвался.

Естественно, друзья внимательно присматривались к Сабуровой. И не только потому, что от этого человека в чрезвычайных ситуациях могло зависеть многое, в том числе – и жизни самих Саблина и Зиганиди. В глазах друзей Катя была прежде всего хорошенькой девушкой, а уж потом – коллегой по военно-морскому ремеслу. Впрочем, никаких серьезных выводов Виталик и Коля пока еще для себя не сделали: Катя выглядела скромной, обходительной и стеснительной девушкой.

Авиалайнер, натужно гудя двигателями, быстро набирал высоту. От перепада давления закладывало в ушах. Виталий, сидевший у иллюминатора, с равнодушным видом наблюдал сквозь рваные разрывы облаков вечерний ландшафт. Густая темно-синяя акварель горизонта размывала желтое электрическое зарево Питера.

– Интересно, а какой у них план с этими заложниками? – поинтересовался Зиганиди.

– Все узнаем на месте, – Боцман приподнялся, выискивая глазами Катю – та пересела на несколько мест вперед, чтобы не мешать беседе друзей.

– Думаешь, эта Сабурова действительно такая крутая, как ее наш командир описал? – Коля прищурился глядя на ее тонкий профиль у иллюминатора, за которым голубели небесные выси. – Даже не верится. Просто какая-то тургеневская барышня, а не офицер элитного спецназа.

– Внешность иногда бывает обманчива, – справедливо напомнил Саблин. – Меня трижды вообще за мента приняли! А тебя, новороссийского грека, – за лицо кавказской национальности – сколько раз? То-то.

– Ты меньше похож на мента, чем я на кавказца... Слушай, а почему нашу амуницию, включая акваланги, решили дипломатическим грузом передать? Могли бы и с собой выдать.

– Наверное, чтобы не привлекать лишнего внимания египетских властей. Двое тренированных ребят, да еще с аквалангами, да еще во время массовых беспорядков в стране – слишком уж подозрительно. А тем более – в контексте захвата «Асклепия».

– А Сабурова?

– Думаю, им известно, что в нашем флотском спецназе служат и девушки.

Ровный гул авиационных двигателей невольно убаюкивал. Боцман зашелестел специальным шахматным журналом, анализируя знаменитую партию Алёхин – Капабланка 1927 года. Зиганиди нетерпеливо ерзал в кресле – мысленно он наверняка уже был в Египте.

– Интересно, а адмирал Нагибин другим самолетом вылетел? А сколько у нас времени на все про все будет? А какие у нас полномочия? А как нас там дальше легендируют? – выстрелил Коля очередью вопросов.

– Да отстань ты от меня! – бросил Саблин с той напускной грубостью, которые нередко позволяют заведомо добрые и очень уверенные в себе люди. – Ты, Коля, еще вчера вечером ныл: мол, и скучно в Карелии, и впечатлений никаких, и на море с пляжем хочется, и солнца горячего, и красивых девушек, и экзотики, и вообще, чтобы было что потом вспомнить. Вот все твои желания и исполняются, словно по мановению волшебной палочки. Хотел пляжа? Пожалуйста, получай пальмы, горячий берег и регулярные погружения в Красное море. Хотел экзотики – познакомишься с обаятельными бородатыми ребятами из «Всемирной лиги джихада». Хотел красивую девушку – вон она, через два кресла от нас сидит. И знакомиться не надо, уже знакомы.

– А впечатления?

Боцман закрыл шахматный журнал, положил его на колени и молвил очень серьезно:

– Думаю, и за впечатлениями дело не станет...

Глава 3

Людям часто свойственно думать, что они готовы к любым неожиданностям, к любым ударам судьбы. А как получает такой человек по мозгам, так сразу удивляется и нервничает: мол, почему это произошло именно со мной?

Если бы еще несколько дней назад кто-нибудь сказал Егору Кобзеву, что ему придется столкнуться с настоящими террористами, он бы посчитал это за неудачную шутку. Исламистских боевиков он видел только по телевизору, и для молодого врача эти люди были чем-то сродни возбудителю экзотического вируса, существующего в неком параллельном мире. Кобзев даже представить не мог, что ему придется столкнуться с таковыми лично.

Как только катер с отпущенными на волю египтянами отчалил от захваченного «Асклепия», российских заложников, шотландского кэпа Гордона Синклера и пятерых индусов с двумя ливанцами препроводили на остров. Пленников тщательно обыскали, забрав у них все – даже стетоскоп Алексея Николаевича и авторучку Егора. На самом же судне осталось несколько человек, из чего можно было сделать вывод: «Асклепий» как плавсредство террористов вряд ли интересует.

Остров, куда препроводили заложников, совершенно не походил на симпатичные коралловые рифы, в изобилии разбросанные вдоль африканского побережья Красного моря. Выглядел он довольно уныло: огромный каменистый выступ с желтыми отвесными скалами, вытянутый с севера на юг и продуваемый всеми морскими ветрами. Почти полное отсутствие растительности придавало этому клочку земной тверди мрачный и необитаемый вид. В южной части, у самой воды, громоздился небольшой приземистый эллинг, рядом с которым отблескивали стеклянные модули солнечной батареи. На северной оконечности серела взлетно-посадочная полоса с кладбищем старых военных самолетов. – Несколько роторных истребителей со спущенными баллонами шасси, отрезанные плоскости, раскуроченные кабины, ржавый топливозаправщик антикварного вида... Над авиационным кладбищем возвышался контрольно-диспетчерский пункт – мрачноватое строение колониальной архитектуры с высокой застекленной башенкой. За КДП темнело несколько огромных ангаров из рифленого дюраля. К одному из таких ангаров и привели пленников.

Пожилой мужчина в «арафатке», представившийся Анваром, старался держаться подчеркнуто вежливо и даже дружелюбно. Мол, никакие вы не заложники, а гости, поживете у нас некоторое время, никто вам зла причинять не будет. А уж все остальное зависит от правительств ваших стран; мы выдвинули им определенные требования, назначили сроки для их исполнения, будем ждать.

– В гости, вообще-то, по доброй воле ходят, – вставил Волошин по-английски. – А нас сюда насильно привезли.

Анвар неторопливо подошел к доктору.

– Правильно. По своей воле. Вы ведь русский, если я не ошибся?

– Не ошибся, – сквозь зубы процедил Алексей Николаевич.

– Так вот: один наш товарищ сейчас находится в вашей стране, в тюрьме. Куда он также попал не по своей воле. Вот мы и предложили вашему правительству обмен: они нам нашего друга, а мы им – вас. А иначе...

Анвар не договорил, однако по тону, которым была произнесена последняя фраза, Егор Кобзев понял: в случае, если российские власти не пойдут на уступки террористам, ничего хорошего пленникам не светит.

Впрочем, пока ничто не предвещало неприятностей. Заложников поместили в ангаре, приспособленном под жилые комнатки, перегороженном фанерными стенками. Условия проживания выглядели весьма сносно – душ, туалеты, кровати, холодильники с запасами питьевой

воды и кондиционеры, нелишние в Египте даже зимой. Пленников даже неплохо накормили. После чего заперли в ангаре, пообещав с завтрашнего же дня дважды в сутки выводить на прогулки. Выходить наружу самостоятельно категорически запрещалось – Анвар поставил у входа двух автоматчиков.

Егор Кобзев казался совершенно деморализованным. Он растерянно крутил головой, осматривался на новом месте, пытаясь оценить масштабы несчастья, неожиданно свалившегося на его голову. К счастью, доктор Волошин не потерял присутствия духа: в отличие от более молодого коллеги, он отнесся к злоключениям стоически: мол, могло быть и хуже, вон, несчастному хирургу Збигневу как не повезло... Да и держат не в яме и не на цепи. Более того: даже не разлучили, – позволили соотечественникам поселиться вместе.

– Интересно, а что это за остров? – шепотом спросил Егор, когда Волошин лег спать. – И откуда здесь взялись ангары, авиационное кладбище? А что во втором ангаре? Прямо кино какое-то...

– Какая нам с тобой разница? – зевнув, на удивление равнодушно проговорил Алексей Николаевич. – От нас сейчас все равно ничего не зависит.

– Будем ждать, пока эти уроды свяжутся с нашими, а те выпустят их соратника из тюрьмы?

– Естественно. Ничего другого нам просто не остается. А ты, что, бежать отсюда надумал? – спросил удивленно Волошин, приподнявшись на локте.

– Отсюда, наверное, и не убежишь. Скала в море, даже спуститься негде, не считая причала. Просто какой-то замок Иф из «Графа Монте-Кристо»! Но, боюсь, если не выпустят отсюда – придется что-то придумывать. От этих сумасшедших всего можно ожидать.

Волошин откинул одеяло, уселся на койке, выпрямил спину и строго взглянул на эпидемиолога.

– Егор, дело в том, что мы сейчас не владеем никакой информацией. Мы не знаем ни наших координат, ни организацию, которую представляют наши похитители, ни даже личности человека, освобождения которого они требуют. Возможно, это какой-нибудь высокопоставленный наркодилер, пойманный в Шереметьево с поличным. Или исламистский шпион. Или знатный ваххабит. Или еще что-то в этом роде, я в этом не разбираюсь... И вообще, я тебе как коллега... и просто старший товарищ, вот что скажу: никогда не умирай до расстрела. И не выстраивай в голове самые страшные сценарии будущего. Нам ведь пока ничего не угрожает. Неприятности происходят лишь тогда, когда человек начинает к ним загодя готовиться... Все, давай спать.

Кобзев послушно улёгся, натянул одеяло на голову и попытался заснуть. Он понимал: Волошин сознательно успокаивает его. Готовься к неприятностям, не готовься – а уж если ты попал в руки к исламистским террористам, неприятности эти все равно произойдут в самое ближайшее время...

* * *

Так оно и случилось. Жаркое африканское солнце только-только поднималось над островом, когда в дверь каморки, где жили российские врачи, властно постучали. Оказалось, Анвар требовал к себе Егора.

Спустя минут десять Кобзев под присмотром вооруженного конвоира поднимался в застекленную башенку контрольно-диспетчерского пункта. Молодой доктор не выспался и потому даже не задал себе естественного вопроса: а почему Анвар требует к себе именно его, а не Волошина, как старшего и более опытного врача?

Внутри КДП, переоборудованный под офис, выглядел стильно: дорогая европейская мебель, роскошные восточные ковры, огромный плазменный экран, несколько компьютеров с

огромными мониторами. И лишь АК-47, висевший на спинке кресла, несколько не вписывался в общий интерьер.

Сам же Анвар буквально излучал доброжелательность. Теперь ничто не напоминало в нем того «бедуинского вождя», под видом которого он минувшей ночью пытался захватить «Асклепий». Главарь террористов скорей походил на восточного принца из «Тысячи и одной ночи». На его безымянном пальце горел бриллиант размером с лесной орех. Еще несколько бриллиантов помельче подмигивали с золотого браслета на запястье. Пёструю арафатку прижимал к голове обтянутый плюшем обруч. Длинная галабея – традиционная одежда египетских мужчин, – слепила взгляд снежной белизной. Правда, черные каплевидные очки на пол-лица не позволяли собеседнику следить за выражением глаз Анвара, и это сразу насторожило эпидемиолога.

– Будем знакомиться, – на довольно сносном английском произнес хозяин офиса. – Значит, вы Егор Иванович Кобзев? Присаживайтесь...

– Да, Егор, – растерянно ответил молодой доктор. – А вы откуда знаете моё имя?

– Прочитал ваше личное дело, которое нашел в сейфе у капитана Синклера, – любезно пояснил Анвар. – И по специальности вы, стало быть, эпидемиолог?

– Московский медуниверситет имени Сеченова, диплом с отличием плюс интернатура, – согласился Егор. – А что?

– Да ничего, так, в порядке знакомства... – Анвар пристально и вполне приязненно рассматривал собеседника. – Может, чаю хотите? Или кофе? А давайте вместе позавтракаем!

– Спасибо, – Кобзев смутился окончательно, прекрасно, впрочем, понимая, что его привели сюда явно не ради угощения.

Однако Анвар не форсировал события. Ведь восточное гостеприимство не велит гнать обороты.

В помещении КДП словно из воздуха материализовался молодой вертлявый подавальщик. Анвар молвил ему несколько слов по-арабски, и через пару минут на столе, как раз между гостем и хозяином, стояло несколько блюд с местными яствами. Егор, не понимая такого поворота событий, завтракал, слушал хозяина и отвечал на вопросы.

Анвар начал издалека. Сперва поинтересовался, большая ли у гостя семья. Затем спросил, как здоровье отца, матери, сестер и братьев. Как бы невзначай осведомился – а почему это молодой человек, единственный сын своих родителей, бросил их в России и поехал на другой континент с гуманитарной миссией...

– У нас врачи – бюджетники, – пояснил Кобзев, немного осмелев. – Зарплаты очень маленькие, да и эпидемиологи – люди довольно редкой профессии. В районную поликлинику или даже в больницу не устроишься, там таких штатных единиц даже не предусмотрено. В основном наша работа – или полевая практика, или научная деятельность в лаборатории. А для этого надо работать или в соответствующем научно-исследовательском центре, или в Академии наук. Но и туда молодому специалисту попасть очень трудно – нужен блат. Да и зарплаты там тоже небольшие. Я вот жениться хочу. Вот и решил заработать в миссии Красного Креста и Красного Полумесяца на квартиру в Петербурге. А заодно – и на свадьбу... Если, конечно, теперь это получится, – пленник явно намекал на свое теперешнее положение.

Выслушав с вежливым видом монолог молодого доктора, Анвар неожиданно сказал:

– А если бы я вам предложил заработать денег?

Сперва Егору показалось, что он ослышался. Похищать человека, чтобы предложить ему заработать – подобного международные террористы вроде бы никогда не практикуют! Кобзев осторожно взглянул на Анвара и, увидев двойное отражение собственного лица в окулярах его черных очков, невольно вздрогнул. Лицо Анвара было напряжено, крылья носа раздуты, губы подобрались в тонкую ломкую линию. Судя по всему, «предложение заработать» было поворотным моментом беседы.

Повертев головой, эпидемиолог обратил внимание на роскошный абажур и прикипел к нему взглядом, словно обрадовавшись, что есть повод не смотреть на собеседника.

– Так как насчет заработать? – повторил Анвар, но уже с нажимом.

– Что вы имеете в виду? – испуганно прошептал Кобзев.

– За несколько недель вы могли бы заработать куда больше, чем за десять лет на этом госпитальном судне. И на квартиру бы хватило, и на шикарную свадьбу... хоть с целым гаремом гурий. Причем – прямо тут, на острове. Пройдемте, кое-что покажу...

Движимый любопытством врач все-таки проследовал за хозяином в небольшое смежное помещение, скорее даже – лабораторию. Стол с микроскопами, штативами и пробирками, несколько стеклянных шкафчиков со стерилизаторами, книжная полка, огромная холодильная камера...

Анвар открыл холодильник, натянул резиновые перчатки, осторожно извлек большой заиндевевший металлический бокс. В подобных боксах с жидким азотом обычно хранятся герметичные пробирки с бактерийными штаммами.

Взглянув на крышку, Кобзев едва не вскрикнул от удивления. На покрытой морозной паутиной металле отчетливо проступала гравировка: две перекрещенных кривых сабли под полумесяцем со звездой: эмблема Вооруженных сил Пакистана. В голове тут же всплыла реплика, как бы невзначай брошенная Алексеем Николаевичем: «в Исламабаде какие-то сумасшедшие разгромили лабораторию прикладной микробиологии ихнего Министерства обороны... « Стало быть, возбудители смертоносных болезней, украденные в Пакистане, каким-то неведомым образом попали в руки террористов, захвативших «Асклепий»! А может быть, и разгром пакистанской лаборатории, и захват госпитального судна как-то связаны между собой?

Анвар осторожно поставил металлический бокс на стол рядом с микроскопом.

– Егор, у меня к вам вполне конкретное деловое предложение, – молвил он светским голосом. – Я не буду вам врать, не буду ходить вокруг да около, а сразу обрисую ситуацию. Это – штаммы болезнетворных бактерий, которые шайтан создал на погибель плохим людям. Откуда они у меня, для чего и что я с ними собираюсь делать – вас не касается. Считайте, что я хочу избавить наш мир от некоторого количества очень плохих людей. Но ведь сам я не ученый, во всех тонкостях микробиологии не разбираюсь. Да, у нас был свой специалист по штаммам, но буквально пять дней назад его застрелили в Александрии. И потому мне нужна консультация грамотного ученого. То есть ваша. За каждую такую консультацию я согласен платить наличными. Или же переводить деньги на любой банковский счет, который вы укажете. Или просто купить квартиру на ваше имя, какую только покажете на риэлторском сайте вашего города. Какой способ оплаты вас больше устроит, Егор Иванович?

Неожиданно Анвар снял черные очки-капельки и взглянул на Кобзева так пронзительно, что ему сделалось не по себе. Однако Егор сумел-таки найти в себе силы выдержать взгляд.

– Я не буду давать никаких консультаций, – отстраненно сказал он. – Я доктор, а не серийный убийца. Главное правило любого профессионального врача – «не навреди!» Я давал клятву Гиппократа, я не могу работать во вред людям.

– Что ж, я так и знал. Более того: я был уверен, что сегодня вы ответите мне именно так. Предлагаю вам еще раз подумать, – как ни в чем не бывало, молвил хозяин офиса. – Тем более что время работает не на вас. Но на всякий случай напомню: за миллион долларов я найду любого другого эпидемиолога. И тогда хуже будет только вам. А теперь идите к своим и хорошенько подумайте над моим предложением...

* * *

– Ну почему именно я? – Егор сидел на кровати, с трагичным видом обхватив взъерошенную голову руками. – В Египте – сотни своих микробиологов, десятки иностранных спе-

циалистов, работающих по контракту... Почему эти скоты сделали такое чудовищное предложение именно мне?

Алексей Николаевич смотрел на коллегу с сочувствием. Выслушав сбивчивый рассказ Кобзева о визите к Анвару, склонный к логическим выкладкам Волошин сделал вывод: у террористов были целых две цели. Кроме освобождения своего соратника, находящегося в российской тюрьме, им требовался еще и грамотный специалист по бактерийным штаммам. Ведь свой эпидемиолог, на которого Анвар так рассчитывал, недавно погиб в уличных беспорядках в Александрии. И, видимо, запасного варианта у бандитов не было, да и времени на поиски иного специалиста среди своих не оставалось. Если бы террористы просто хотели бы обменять заложников на своего коллегу – они бы могли запросто пленить нескольких российских туристов в Хургаде или Шарм-эль-Шейхе. А уж если Анвар со товарищи распланировали и осуществили сложный во всех отношениях захват госпитального судна – стало быть, это не просто так, их главной целью был именно Егор. Что и говорить, кандидатуру они подобрали грамотно: Кобзев молод, беден, хочет заработать на квартиру, чтобы жениться...

– Так что мне делать? – молодой доктор с надеждой смотрел на Волошина. – Невыкрутка полная. Настроение такое, что хоть в петлю.

– Не знаю, Егор, не знаю, что тебе и посоветовать, – молвил Алексей Николаевич. – Если бы знал – сказал бы. Давай думать вместе...

– А чего тут думать! Бежать надо! – в сердцах воскликнул Кобзев.

– Хорошо, – на удивление спокойно согласился Алексей Николаевич. – Давай бежать. Прямо сейчас. Давай с тобой сделаем крылья, на манер Икара, и полетим в Каир, в наше посольство. А еще лучше – прямо по домам: я в Екатеринбург, а ты к себе, в Питер. Это осуществимо? Нет. А потому давай лучше здраво подумаем...

Решение пришло на прогулке. Собственно, и прогулкой это было назвать нельзя: по вечерам, когда жара была не такой невыносимой, как днем, заложников вывели из ангаров в небольшой квадратный загончик на краю авиационного кладбища, отгороженного ячеистой сеткой.

– Я вот что подумал, – заговорщицки произнес Волошин, глядя, как вдоль сетки неторопливо прохаживается вооруженный охранник с угреватым лицом. – Тебе все-таки надо принять предложение Анвара. Это даже хорошо, что это предложение поступило именно тебе, а не кому-то другому.

От услышанного у Кобзева глаза полезли на лоб.

– Принять? Мне? Предложение террористов? – недоверчиво уточнил он.

– Да, именно тебе.

– То есть согласиться стать пособником профессиональных убийц? – Егор воскликнул так громко, что охранник за сеткой невольно обернулся в его сторону.

– Тише говори... – попросил Волошин.

– Да они все равно ни бельмеса по-русски не понимают! – Кобзев был возмущен так, что едва не накинулся на собеседника с кулаками.

– Все равно кричать не надо. Слушай внимательно. Одно дело – согласиться, что ты будешь на них работать, а совсем другое – действительно на них работать. Тебе надо сделать вид, что ты согласен делать то, что тебе скажут. Смотри. Вся эта публика, – пожилой доктор выразительно кивнул на угреватого охранника, – кроме стрельбы, взрывного дела да захватов заложников, ни в чем другом не разбирается. Даже если они с высшим образованием. Сколько нобелевских лауреатов дал миру Каирский университет? А сколько международных террористов? То-то. Попытайся поговорить с нашими охранниками или даже с Анваром о биологических свойствах эпизоотических штаммов. Или хотя бы о чем-нибудь более простом, наподобие патогенной активности вирусов. Да, у них был свой специалист по эпидемиям, но его теперь нет, контролировать тебя некому... Догадываешься, о чем я?

– Не совсем... – ничего толком не понявший Кобзев заморгал.

– Да что тут не ясно! – Алексей Николаевич взглянул на охранника, который, как ему показалось, пытался прислушиваться к беседе, но признав справедливость довода Егора, что тот не непонимает русский язык, отвернулся. – Завтра или послезавтра тебя вновь отведут в башню к Анвару. Он вновь сделает тебе предложение о сотрудничестве. Ты для приличия помнешься, даже попытаешься набить себе цену, как высококлассному специалисту. Поторгуешься немного, они это любят. А потом, словно нехотя, дашь согласие. Главное для тебя – получить доступ к штаммам. А там ты можешь изменить температурный режим хранения вирусов. Или поместить штаммы в агрессивную среду. Или еще что-нибудь, например – незаметно сломать морозильную камеру. Или просто уменьшить в ней температуру. Да что я тебя учить буду – ведь эпидемиолог не я, а ты! Главное – что никто контролировать тебя не станет!

До Кобзева, наконец, дошло.

– Ну, Алексей Николаевич, спасибо за совет... Я бы сам никогда не додумался!

Волошин заулыбался.

– Старый добрый саботаж. У меня дедушка в немецком плену полтора года пробыл. Его нацисты заставляли на заводе по выпуску запчастей для танков работать. Вот он и рассказывал: перекалил немного шестеренку в огне – она через несколько часов работы и накроется. А мы тут – такие же пленные. Почему бы не вспомнить славный опыт дедов?

Егор остановился у сетчатого ограждения, осмысливая слова собеседника в деталях и в совокупности. Предложение старшего коллеги пришлось ему по душе.

– Хорошо, – произнес он. – Допустим, я так и сделаю. Допустим, мне удастся нейтрализовать штаммы. Но если потом это откроется? Что будет со всеми нами? И... со мной?

– А ничего, – пожал плечами Волошин. – Во-первых, штаммы, украденные из военной лаборатории Пакистана, возможно, уже изначально мертвые. Во-вторых, их могли неправильно хранить при транспортировке. В-третьих, могли неправильно хранить уже тут, тем более что ихний вирусолог погиб в Александрии. А в четвертых, – ты, как человек, который не был в курсе всего этого, не обязан знать обо всех тонкостях кражи и хранения штаммов! Твое дело просто дать согласие и получить доступ к заразе. Понял меня?

Эпидемиолог не успел ответить – к русским врачам вразвалочку подошел капитан Гордон Синклер. Как и положено моряку флота Ее величества, шотландец совершенно не потерял в плену присутствия духа. Мазнув презрительным взглядом по угреватому охраннику за забором, Синклер вежливо и чуть церемонно поздоровался с докторами. После обычных вопросов о здоровье-делах-настроении он перешел к делу. Со слов Гордона выходило, что находиться в плену у бородатых адептов варварской идеологии – не самое лучшее для джентльменов занятие, что надо что-нибудь предпринимать, и чем быстрей, тем лучше.

– И что же вы предлагаете? – не понял Алексей Николаевич.

– Бежать, естественно, – шотландец и бровью не повел. – Я уже переговорил с людьми, которым могу всецело доверять. Мистер Камиль Джубран, наш старший механик, ливанец, и мистер Удхам Сингх, наш кок из Индии, любезно согласились с моим предложением. Им тоже неприятно тут находиться. Предлагаю присоединиться и вам.

– Куда бежать? А главное, как? Мы же даже не знаем, где находимся! – стал сокрушаться Волошин.

– Почему это не знаем? – сдержанно возразил Синклер. – Знаем. У меня есть навигатор GPS... и даже зарядное устройство к нему.

– Вам удалось его пронести сюда? – не поверил Егор. – Нас же тщательно обыскивали!

– У каждого джентльмена на теле есть места, где мобильный телефон не будут искать даже эти дикари, – снисходительно улыбнулся шотландец. – Кроме того, у меня есть один план, в который, в случае вашего положительного ответа, я хотел бы вас посвятить. Так что вы скажете, мистер Волошин и мистер Кобзев? Вы согласны?

Глава 4

– Смотрим внимательно и запоминаем. – Адмирал Нагибин раскрыл ноутбук, защелкал клавиатурой, кивнул на монитор. – Это граница Египта и Судана. Здесь Красное море. Вот этот остров. Тут пролив между островом и берегом. Тут небольшие коралловые рифы. Изучайте, в случае каких-то вопросов готов дать исчерпывающие ответы.

Саблин, Зиганиди и Сабурова прибыли в Египет рано утром. После заснеженных карельских просторов египетская пустыня, залитая африканским солнцем, выглядела уж слишком декоративно. Неестественно яркий свет, буйство красок, бирюза моря – все это на какой-то момент ослепило молодых людей. Впрочем, обсуждать первые впечатления не было времени. Федор Ильич Нагибин, прибывший в страну пирамид и верблюдов чуть раньше, распорядился доставить всю троицу на побережье Красного моря, что и было сделано.

Глядя на Нагибина, вряд ли бы можно было сказать, что это – один из опытнейших руководителей флотской разведки. Теперь на адмирале были легкомысленной расцветки бермуды, широкая рубашка с пальмами и сандалии на босую ногу. Ансамбль довершали шелковый шейный платок и белая панамка, которая придавала ее владельцу слишком уж курортый вид. Стоя на палубе небольшой мотояхты, арендованной у частного владельца «для нужд латышских кинодокументалистов, занимающихся подводной съемкой», Нагибин внимательно следил, как его подчиненные изучают электронную лоцию.

Яхта, оставляя за кормой ровный пенный след, уверенно шла вдоль побережья. В лучах солнца золотились дикие нагромождения скал. Боцман, Зиганиди и Катя смотрели в монитор молча, то и дело увеличивая на экране детали. Они были профессионалами – достаточно было увидеть электронную лоцию лишь однажды, чтобы запомнить сопутствующие детали на время всей операции.

– А что это за взлетно-посадочная полоса на острове? – осторожно поинтересовался Саблин.

– Во время Второй мировой там базировалась эскадрилья британской береговой авиации, – пояснил адмирал. – Прикрывали Суэц на случай бомбардировки с Крита, захваченного немцами. После войны часть расформировали, старые роторные самолеты списали и бросили. Какое-то время там жили несколько охранников, но и их потом убрали. Остров этот далеко от проторенных туристических маршрутов, ничего интересного там нет, мерзость запустения, никто вкладывать в него деньги не хочет. Вот его террористы и облюбовали. Естественно, абсолютно законно: как мы выяснили по оперативным каналам, полтора года назад его взяла в долговременную аренду одна фирма, близкая к «Всемирной лиге джихада».

– Два ангара и один эллинг, – прокомментировала Катя. – Окажись я на месте террористов, я бы переместила заложников в ангар.

– Почему? – прищурился Федор Ильич.

– С госпитального судна несложно сбежать, даже из задраенной каюты, – пояснила Сабурова. – Море сразу за иллюминатором. Из эллинга – чуть сложней, но тоже можно: ведь он прямо на берегу. А вот из ангаров почти в центре острова сложней всего.

– Правильно мыслишь, – похвалил адмирал. – Еще вопросы есть?

– А вот это, – старший лейтенант Зиганиди указал на небольшой ромбик на карте, – видимо, захваченный «Асклепий»?

– Он самый. Никаких других надводных судов тут не зафиксировано. Кстати, в ближайшее время у нас будут подробные космические карты, – Нагибин взглянул на часы, – где-то через пять с половиной часов наш спутник как раз и окажется над тем районом. Еще вопросы есть?

– Да, товарищ адмирал, – Саблин несколько раз щелкнул клавишами, увеличивая изображение пролива между островом и берегом. – Насколько я понимаю, глубина тут невелика, не более пятнадцати метров. А вода – сами видите: невероятно прозрачная. Иными словами, в случае погружения с берега любой аквалангист, плывущий по направлению к острову, будет немедленно замечен бандитами.

– Мы тоже обратили на это внимание, – Федор Ильич взглянул на экран ноутбука. – Единственно правильное решение – погрузиться ночью и к тому же идти в сторону острова непосредственно с яхты. Судно вполне можно поставить на якорь во-он за этим мысом. С острова вроде не видно.

– Слишком долго, товарищ адмирал, – Боцман вновь взглянул на карту. – Я уже прикинул – туда и обратно не дотянем, если с яхты погружаться.

– Дотянешь. Иди-ка сюда, каплей...

На корме яхты, под брезентом, возвышалось нечто угловатое, отдаленно напоминающее офисное кресло, только очень уж увеличенное в размерах. Нагибин снял брезент. Взгляду спецназовцев предстал футуристического вида предмет, отдаленно напоминающий небольшой мотороллер, только без колес и с обтекаемой застекленной крышей.

– Подводный мотоцикл? – догадался Саблин. – Так мы такие уже использовали. Одно мучение. Лучше уж привычный аквалангм... Маленький запас хода, да и неуклюжий.

– У этого запас хода – до десяти кабельтовых, – заверил Нагибин. – А насчет всего остального... Сам увидишь. Последняя разработка наших оборонщиков. Пришлось в Египет по дипломатическим каналам доставлять аж из самого Новороссийска. Можешь представить, чего это стоило...

Боцман критически осматривал подводный мотоцикл. Подобные устройства позволяют человеку погружаться довольно глубоко без какого-либо специального снаряжения. При этом тело пловца находится в воде, а голова – в своего рода плексигласовом шлеме, по сути, являющемся водолазным колоколом. В этот самый шлем и подается воздух из баллона, закрепленного на мотоцикле, и отсюда пилоту необычной машины открывается прекрасный обзор на все триста шестьдесят градусов. Электромоторы аппарата позволяют ему передвигаться не только по горизонтали, но и по вертикали.

Однако эти средства передвижения используется во флотском спецназе нечасто. Причина – громоздкость, сложность в управлении, малая скорость и масса других недостатков. Однако лишь это подводное приспособление, судя по всему, отвечало требованиям предстоящей операции.

Модель же, стоящая на корме мотояхты, была оборудована и дополнительной аккумуляторной батареей, и двумя прожекторами на подвижных консолях, и несколькими видеокамерами, и, главное – специальным приспособлением, не позволяющим с поверхности воды рассмотреть всплывающие пузырьки отработанного воздуха, по которым можно определить присутствие подводного диверсанта...

– Поплывешь ночью, каплей, – молвил адмирал. – Как мы и спланировали. Кстати, прожекторы можешь не включать. Тут и специальные сенсоры, и лазерные датчики, и много чего еще, что позволяет передвигаться даже в кромешной тьме. Естественно, пару пробных заплывов предварительно сделаешь, не без того... Тем более, управлять этим чудом подводной техники не сложней, чем обычным мопедом. В инструкции посмотришь, если что. А теперь слушай конкретную задачу...

* * *

План побега, разработанный капитаном Синклером, был незамысловат, но при этом выглядел вполне осуществимым. Ключевая роль в этом плане отводилась GSM-навигатору, который шотландец каким-то непостижимым образом сумел утаить от террористов.

Вычислив широту и долготу острова с точностью до нескольких десятков метров, кэп определил: до африканского берега – всего лишь около двух кабельтовых, то есть чуть более трети километра. Конечно, для опытного пловца подобное расстояние – не самое страшное препятствие; переплывают же люди Ла-Манш! Но преодолеть этот водный отрезок все-таки лучше на катере, который предполагалось захватить тут же, на острове. Главным, впрочем, было даже не бегство, а план дальнейших действий. Анвар со своими людьми наверняка отправится в погоню. А спрятаться в пустыне, где нет ни искусственных, ни естественных укрытий – дело проблематичное. По той же причине не стоило уходить от преследователей морем: ведь их запросто могли настигнуть.

– Так вот, я все просчитал и понял: ни в море, ни в пустыню нам лучше не соваться, – деловито пояснил Синклер, поочередно глядя то на Кобзева, то на Волошина.

Беседа происходила в перегороженном перегородками ангаре, в каморке Гордона Синклера, которую он делил с судовым механиком-ливанцем. Тот при разговоре не присутствовал – он уже занимался приготовлениями к побегу.

– Но как же... – хотел было спросить Волошин, но Синклер опередил вопрос:

– Когда наш «Асклепий» вели к этому острову, будь он трижды неладен, я обратил внимание, что вся береговая линия усеяна огромными скалами. Когда мы доберемся до берега, нам надо просто двигаться на север по кромке воды в сторону Халиба. С самого берега нас заметить невозможно, слишком уж отвесное место. Заметны мы лишь со стороны моря. Но в случае приближения катера мы всегда определим это по звуку мотора и успеем надёжно укрыться среди камней.

– И сколько же до Халиба? – напряженно поинтересовался Алексей Николаевич.

– Около двадцать трех километров, если мой навигатор не врет, – сообщил шотландец. – Вполне можно пройти за сутки. А там начальник местной полиции – мой хороший знакомый. Да и ваш вроде бы тоже. Вы же его жену вылечили, не так ли?

– Хорошо, – заинтересованно блеснул глазами Егор. – Но вы не сказали самое главное: как удрать с самого острова?

– Довольно просто. Нас тут всего лишь десятеро. А спальных матрасов, как вы видите, в пять раз больше. Наверное, для своих египтян приготовили, но в последний момент решили их отпустить, чтобы не восстанавливать против себя всю страну. Так вот, если штук восемь матрасов сгрудить в дальнем конце ангара и ночью их поджечь, нас наверняка выпустят из ангара, иначе задохнемся от угарного газа. В случае чего, всегда можно будет сказать: мол, там проводка старая, закоротило, сами виноваты. Далее: ночью площадка перед ангаром не освещается, я специально подходил к двери и смотрел сквозь щель. Нас обязательно выпустят, ведь наши смерти им очень невыгодны! Иначе просто не будет на кого поменять своего соратника. Естественно, во время пожара возникнет суматоха. Если в подходящий момент дать кому-нибудь из охранников по голове, то, используя темное время, можно быстро спуститься к причалу, там у них катерок. Главное – чтобы нас не пристрелили по дороге к берегу. Далее на полной скорости идем от острова, где и бросаем катерок. А утром среди скал всегда можно спрятаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.